

ПРОБЛЕМА КОСВЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Михальчук Наталья Александровна

старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования “Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова”
(г. Могилев, Беларусь)

Изменение взгляда на текст и выдвижение новых аспектов его изучения в русле современного лингвистического знания, смещение акцентов в текстологии привело к приоритету коммуникативно-деятельностного подхода, так как он глубоко раскрывает онтологические свойства языка и текста. В русле этой концепции художественный текст является продуктом одного из самых сложных видов коммуникации – художественно-литературной, субъектами которой, с одной стороны, становятся автор и читатель, с другой – персонажи. Текст художественного произведения содержит два коммуникативно-прагматических плана: коммуникация между автором и читателем (КП1) и коммуникация действующих лиц (КП2), причем план воздействия персонажей друг на друга является частью первого коммуникативного плана и служит для осуществления авторского воздействия на читателя.

Исследования единиц не прямой коммуникации в художественном дискурсе в коммуникативно-прагматическом аспекте до сих пор не проводились. В ряде исследований не прямой коммуникации в обиходно-бытовой речи (В.В. Дементьев, Т.В. Нестерова, Н.И. Формановская, И.М. Кобозева) диалоги в художественных текстах рассматриваются не как художественные произведения, а как протоколы реальных актов речевого взаимодействия.

Проблема изучения не прямых средств речевого сообщения, общения и воздействия в художественном тексте видится нам сложной и многогранной. Одним из важнейших ее аспектов является интерпретация адресатом и наблюдателем косвенных высказываний.

Если реплика персонажа в художественном тексте требует осложненной интерпретативной деятельности собеседника, то ее можно отнести в соответствии с определением В.В. Дементьева к не прямой коммуникации. Но осложненная интерпретативная деятельность, когда мы имеем дело с художественным дискурсом, должна осуществляться также и в первую очередь реальным адресатом произведения – читателем.

Если в обиходно-бытовой речи интерпретативная деятельность для понимания не прямых высказываний производится адресатом и наблюдателем, то в художественном дискурсе скрытые смыслы из не прямых сообщений выво-

дятся адресатом персонажа и читателем – реальным адресатом произведения. Таким образом, у не прямых реплик в художественном тексте по существу два адресата: один – в эстетической системе художественного произведения (КП 2), второй – реальный адресат, читатель, поскольку художественное произведение следует также рассматривать в качестве акта речевой коммуникации (КП 1).

Отношения между двумя адресатами и их интерпретативной деятельностью сводятся, как правило, к следующим наиболее часто встречающимся типам.

1) Смысл, выводимый из косвенного высказывания адресатом персонажа и читателем, может совпадать. Например, финальная реплика Лужина «*Было хорошо*» воспринимается как косвенное прощание и собеседником – супругой, и читателем, и последующий речевой акт супруги: «*Вы как будто прощаетесь?*» дополнительно помогает читателю верно интерпретировать выше названный косвенный речевой акт.

2) Содержание непрямого высказывания, выводимое персонажем и читателем, может и не совпадать, например:

«Скажи, Мартын, – начала Софья Дмитриевна и замаялась. «В чем дело?» – спросил он со смехом. «Как у тебя там все – ну, ты знаешь, о чем я спрашиваю... Ты, может быть, уже обручен?» Мартын щурился, и смеялся, и ничего не отвечал. «Я буду ее очень любить», – тихо, святым голосом произнесла Софья Дмитриевна («Подвиг»). Здесь и далее цитируется по [1].

Молчание Мартына и невербально выраженное им несогласие мать, Софья Дмитриевна, воспринимает как согласие, о чем свидетельствует ее последующая реплика. В то же время читатель однозначно расшифровывает не прямое невербальное сообщение Мартына как несогласие, т. к. осведомлен о письме, ранее написанном ему Соней, в котором содержится окончательный отказ: «*Да не мучь ты меня... Я не буду твоей женой никогда. Поставь на мне крест, удружи, миленький*». Подобное коммуникативное несоответствие усиливает эмоциональность, экспрессию текста, минорный мотив крушения надежды, первой любви.

3) Смысл не прямой коммуникации может и вовсе не выводиться персонажем, а расшифровываться читателем, то есть читатель может являться единственным интерпретатором косвенного высказывания в художественном тексте. Это, с одной стороны, осложняет его задачу, не дает «подсказок», с другой – усиливает интерес к работе с текстом.

Персонаж может не обладать интерпретаторскими способностями и возможностями в силу каких-либо обстоятельств и причин, либо сам намеренно отказывается от интерпретации. В этом случае именно читатель – реальный адресат не прямых высказываний – предпринимает дополнительные значительные интерпретативные усилия для их понимания.

Художественный дискурс при осмыслении вопросов не прямой коммуникации характеризуется повышенной нагрузкой на читателя, его интерпретаторскую деятельность и возможности. Правоммерно определить не прямую коммуникацию в художественном тексте как апелляцию автора к сотворчеству с ним читателя, задаваемую читателю высокую планку со-понимания, со-прочтения, повышение его уровня восприятия, интеллектуального уровня.

Приведем несколько примеров, когда читатель оказывается единственным интерпретатором не прямой коммуникации в тексте произведения.

1. В романе «Отчаяние» Набоков использует коммуникативный прием: читатель выводит определенное содержание из непрямого речевого акта Феликса, а персонаж, партнер Феликса, Герман, – нет.

«Ты на войне побывал?» – спросил я, и несколько раз кряду прочистил горло, – голос был хриплый.

«Да, – ответил он, – а что?»

«Так, ничего. Здорово боялся, что убьют, – правда?»

Он подмигнул и проговорил загадочно: «У всякой мыши – свой дом, но не всякая мышь выходит оттуда».

Заведомый отказ персонажа осуществлять осложненную интерпретативную деятельность для расшифровки содержимого косвенного речевого акта подчеркивается в ремарках: *«Я уже успел заметить, что он любит пошлые прибаутки, в рифму; не стоило ломать себе голову над тем, какую собственно мысль он желал выразить».*

Данный прием является прерогативой художественного дискурса и представляет собой часть набоковской игры с читателем. Также он участвует в создании речевого портрета Германа, персонажа, равнодушного ко всему, кроме собственного эго.

2. На некотором этапе не прямая коммуникация может быть не интерпретирована ни читателем, ни героем – ср., начало сцены убеждения Германом Феликса участвовать в убийстве в романе «Отчаяние», что является частью творческого замысла писателя. Затем читатель с помощью авторских ремарок «вводится в курс дела» и начинает интерпретировать высказывания Германа именно как манипуляцию, но манипулируемый Феликс по-прежнему того, что он объект манипуляции, не сознает.

3. В одном из эпизодов «Машеньки» ирония Ганина расшифровывается читателем, но не распознается тем, на кого направлена, – Алферовым. Алферов воспринимает косвенный иронический речевой акт Ганина (диада: сообщение – оскорбление) как прямой, о чем свидетельствуют его последующие реплики.

– Бывало, говорил жене: раз я математик, ты мать-и-мачеха..

Горноцветов и Колин залились тонким смехом. Госпожа Дорн вздрогнула, испуганно посмотрела на обоих.

– Одним словом, цифра и цветок, – холодно сказал Ганин.

Только Клара улыбнулась.

– Да, вы правы, нежнейший цветок, – протяжно сказал Алферов, окинув соседа своим блестящим, рассеянным взглядом.

Интерпретация единиц непрямой коммуникации читателем в художественном тексте, как правило, организуется, предвосхищается, готовится писателем.

Основываясь на результатах нашего исследования, выделим основные способы реконструкции содержания косвенного речевого акта в романе В. Набокова:

на основании самого косвенного речевого акта и знания метаконтекста:

при помощи авторских комментариев;

при помощи других реплик, уточняющих содержание высказывания;

при помощи прямых речевых актов, следующих за косвенными, (за косвенным речевым актом следует высказывание, которое выражает иллокуцию X и грамматическая форма которого обычно используется для выражения иллокуции X);

при помощи ключевых слов.

Роль авторских комментариев в выведении смысла манипуляции читателем в художественном произведении сводится к следующему (на материале исследования романа «Отчаяние»):

избираемый тип повествования – от первого лица, в результате чего читатель наблюдает ступенчатое создание манипулятивной стратегии персонажем;

прямые формулировки субстратегий и тактик персонажа-манипулятора, даваемые в тексте;

характеристики моделей мира и потребностей манипулируемых, предшествующие диалогам с речевой манипуляцией;

выстраивание по ходу повествования образа манипулятора – его модели мира, потребностей, коммуникативных целей.

Смыслообразовательная роль единиц непрямой коммуникации в художественном тексте может быть в некоторых случаях настолько велика, что выведение содержания из не прямых высказываний читателем может быть равносильно раскрытию идеи произведения. Среди произведений Набокова с точки зрения исключительно большой смыслообразующей нагрузки единиц непрямой коммуникации выделяется роман-антиутопия «Приглашение на казнь». В романе широко представлена не прямая коммуникация гипертрофированного типа. Осознавая, что реплики тюремщиков, партнеров Цинцинната, с гротескно-преувеличенным значением лишены смысла, читатель походит к открытию основной идеи текста о трагическом столкновении подлинного мира художника и призрачного, ирреального обывателей. Примечательно, что

сам главный герой Цинциннат быстро выводит содержание косвенных реплик партнеров по общению – они несут не тот смысл, который выражают. Их значение нивелируется, они представляют собой «пустые стереотипы»: Ср. *«Чудо! Красная магия! Мы вас все умоляем! Ну, сделайте милость... – Сейчас месье Пьер кое-что покажет. Просим, просим! Да не уходите вы»... «Книжку бы отложили, – заметил директор срывающимся голосом; – ведь у вас гость сидит».*

Литература

1. Набоков, В. В. Собрание сочинений в четырех томах / В. В. Набоков. – Москва, 1990. – Т. 2).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова